

DOI 10.24411/2076-1503-2020-10211

ДОГАДАЙЛО Екатерина Юрьевна,
профессор кафедры конституционного права
юридического факультета им. М.М. Сперанского
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС),
117133, Москва, Академика Варги, д. 20, кв. 39,
e-mail: dogadaylo-e@ranepa.ru

ДАВЫДОВА Марина Леонидовна,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
400062, Волгоградская обл., г. Волгоград, Университетский проспект 100,
e-mail: davidovavlg@gmail.com;
davidovaml@volsu.ru; ORCID 0000-0001-8392-9592

МАМАЙ Евгений Алексеевич,
доцент кафедры конституционного и международного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
603144, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3,
e-mail: mamai_ea@mail.ru; ORCID 0000-0002-9386-2747

КУШНИРУК Роман Петрович,
аспирант, Карлов университет,
Факультет Физического образования и спорта,
Кафедра адаптированного физического образования и спортивной медицины,
Прага, Чешская Республика,
e-mail: xxxkushnirukxxx@mail.ru; ORCID: 0000 0003 4742 7610
JEL-код – K24 (Cyber Law); O38 (Technological Change: Government Policy)

ИНТЕРАКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Аннотация. Развитие цифровизации государственного и муниципального управления ставит вопрос об ориентированности предоставляемых сервисов на удовлетворение потребностей и интересов как отдельных граждан, так и всего гражданского общества. В этом смысле интерактивная коммуникация, имеющая своим проявлением различные формы электронной демократии, становится тем средством, которое обеспечивает непосредственную связь потребителей и поставщиков государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: интерактивная коммуникация; электронное правительство; государство; публичные услуги; электронные услуги; электронная демократия.

DOGADAYLO Ekaterina Y.,
Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional Law,
Faculty of Law M.M. Speransky The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)

DAVYDOVA Marina L.,
Doctor of Science (Law), Professor Chair, Department of Constitutional and Municipal Law,
Volgograd State University, Volgograd, Russia

MAMAY Evgeny A.,
Candidate of Science (Law), Assistant Professor
Assistant Professor, Department of Constitutional and International Law
Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,

KUSHNIRUK Roman P.,
PhD student. Charles University, Faculty of Physical Education and Sport,
Department of Adapted Physical Education and Sports Medicine,
Prague, Czech Republic

INTERACTIVE COMMUNICATION AS ESSENTIAL PRECONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF CITIZEN CENTERED E-GOVERNMENT

Annotation. *The development of digitalization of State and municipal administration raises the question of the orientation of the services provided to the needs and interests of both individual citizens and the entire civil society. In this sense, interactive communication, which manifests itself in various forms of electronic democracy, becomes a means of directly connecting consumers and providers of public and municipal services.*

Key words: *interactive communication; electronic government; state; public services; electronic services; electronic democracy.*

Целью публикации является определение значения различных форм электронной коммуникации граждан и гражданского общества с органами публичной власти в качестве общего условия (предпосылки) развития электронного правительства, ориентированного на граждан. Методология данной научной работы представлена совокупностью общенаучных и частно-научных методов (логического, диалектического приемов и способов научного познания, сравнительно-правового и юридико-технического анализа текстов законов и иных документов, анализа Интернет-источников, а также отечественной и зарубежной литературы, посвященной изучению вопросов внедрения различных форм электронной коммуникации граждан и институтов государства в качестве эффективного канала, обеспечивающего доведение информации до сведения субъектов государственного управления). Информационный обмен становится все более важным условием достижения баланса интересов отдельных граждан, всех членов общества, а также государства, как единственного и безальтернативного субъекта реализации государственной политики в сфере электронного правительства. Проведенное исследование вопроса позволяет говорить о том, что российское государство уделяет недостаточное внимание возможным способам оптимизации государственного регулирования посредством эффективного использования различных форм электронной демократии. Исторически подтвержденная значимость демократического политического режима в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий получает дополнительный задел в своем развитии, который, однако, осложняется фраг-

ментарностью государственной политики в указанной сфере, формальным подходом к использованию рассматриваемого института со стороны органов власти, нестабильностью, несовершенством законодательства и правоприменительной практики. Наиболее развитыми формами электронной демократии в современной России являются одновременно и самые простые виды коммуникации (информирование, обсуждение), которые, как правило, имеют очень узкий, частный характер своего приложения (использования), не имеют властного характера по отношению к субъектам государственного управления, а значит, не способны оказать существенного влияния на изменение государственной и муниципальной политики, соответственно на федеральном, региональном и местном уровне.

В современной России уделяется недостаточное внимание эффективному использованию институтов электронной демократии как важнейшей предпосылке развития электронного правительства, ориентированного на граждан. Цифровизация государственного управления зачастую происходит автономно, в отрыве от каналов прямой коммуникации с населением, что влечет за собой сокращение как общих темпов развития рассматриваемого института, так и охвата населения, использующих электронные сервисы государства. Как следствие, не смотря на заложенные правовые и организационно-технические основы, в рассматриваемой сфере имеется огромный малоиспользуемый задел, связанный с реализацией демократических институтов через различные электронные сервисы государства. По мнению авторов публикации, решение обозначенной проблемы видится в формировании целостного и

системного видения всех форм информационной коммуникации граждан, общества и государства.

1. Введение. Роль информационных технологий в современном обществе растет из года в год. Они неизбежным образом начинают оказывать все большее и большее влияние на процессы, происходящие во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Политическая система общества также не может изменить сложившейся тенденции и в силу этого подвергается усиленному влиянию развивающихся информационных технологий. Среди них преобладающую роль начинают играть различные информационные платформы коммуникации граждан и государства, средства проведения электронного голосования, медиа-ресурсы, социальные сети и прочее.

Почти два десятилетия назад, 22 июля 2000 г., в японском городе Окинава на Саммите глав государств «Большой восьмерки» была принята Хартия глобального информационного общества (Окинавская хартия), определившая основные стандарты международного сотрудничества в указанной сфере, а также параметры развития общества в условиях распространения цифровых технологий. В русле общемировой тенденции следует и Российской Федерации, активно вовлеченная в становление информационного общества.

В России на основании постановления Правительства от 15 апреля 2014 г. № 313 принята и реализуется госпрограмма «Информационное общество» (утверждена), указом Президента от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества на 2017 - 2030 годы, а также еще ряд программных и нормативно-правовых актов, нацеленных на внедрение в стране институтов открытого правительства, электронного государства, создание общества, уровень применения и доступности информации в котором способны кардинально изменить экономические, социальные и культурные условия жизни граждан. В настоящей статье предпринята попытка установления роли современных информационно-телекоммуникационных технологий и интерактивной коммуникации в становлении и совершенствовании институтов электронного правительства, обеспечивающего удовлетворение потребностей отдельных граждан и общества в целом в доступе к социально значимой информации и многообразным публичным услугам.

2. Материалы и методы. Исходной методологической посылкой данной работы стало выявленное авторами несоответствие между имеющим место дисбалансом в реализации концепции электронного правительства и многообразием форм электронной коммуникации субъектов государственного управления с гражданами, в резуль-

тате которого в деятельности органов публичной власти не достигается удовлетворение широкого спектра интересов последних. На научном уровне авторами установлено многообразие слабосистематизированных точек зрения на предмет классификации форм электронной демократии. В нормативном регулировании и правореализационной деятельности обнаруживается преобладание наименее развитых форм электронной коммуникации (информирование и публичные консультации), имеющих слабое воздействие на изменение и совершенствование публичных отношений.

Исходя из выявленных авторами предпосылок научного осмысления в основу методологического подхода положено применение методов формальной логики, системного и структурного анализа, а также сравнительно-правового метода, методов правового прогнозирования и толкования правовых норм. Методы формальной логики, системный и структурный анализ были использованы при осуществлении систематизации форм и видов электронной демократии, установлении иерархической зависимости между отдельными формами электронной коммуникации. Путем сравнительного анализа зарубежного опыта использования и правового регулирования информационно-телекоммуникационных технологий авторами выявлены примеры, которые могут служить ориентиром для развития отечественной правовой системы.

В рамках исследования авторами широкого использовались диалектические приемы и способы научного познания, а также ряд научно-научных методов (юридико-технический анализ текстов законов и иных документов, контент-анализ Интернет-источников, а также отечественной и зарубежной литературы), что позволило установить проблемные аспекты внедрения различных форм электронной коммуникации граждан и институтов государства в качестве эффективного канала, обеспечивающего доведение информации до сведения субъектов государственного управления.

3. Результаты.

3.1. Влияние электронной коммуникации на развитие государственно-правового режима. Конституции РФ в статьях 1 и 3 провозглашает Россию демократическим государством, а ее многонациональный народ - носителем суверенитета и единственным источником власти, осуществление которой происходит непосредственно, а также через органы государственного и муниципального управления. Референдум и свободные выборы признаются конституцией высшим непосредственным выражением власти народа России. Вместе с тем методы осуществления государственной власти весьма разноо-

бразны, являются динамичным явлением, развивающимся под влиянием ряда факторов как объективного, так и субъективного характера. У современных государств для решения тех или иных задач имеется возможность выбора соответствующего инструментария, как традиционного, так и инновационного типа. При этом имеются определенные закономерности, определяющие особую роль современных информационно-телекоммуникационных технологий, поскольку именно они способны принципиально менять саму сущность приемов, способов и методов деятельности государственного аппарата. В триаде компонентов, формирующих такое явление, как форма государства, именно политический (государственно-правовой) режим является наиболее динамичным компонентом. Он выступает своеобразной «визитной карточкой» государства и свидетельствуют об уровне вовлеченности населения в государственную деятельность, о возможности реализации политической ответственности субъектов государственной власти.

Информационные технологии в современном обществе стали тем инструментарием, который приближает государственную власть к гражданам, делает её более доступной к общению, взаимодействию, взаимовлиянию, нежели это было раньше. Как справедливо отметил Стивен Клифт (2004), американский исследователь, эксперт по вопросам открытого правительства и вовлечения гражданского общества в использование цифровых технологий: «Электронное правительство и демократия, слитые воедино, представляют собой частички пазла электронной демократии. Там, где в сети реализуются предвыборные кампании, лоббизм, [различные] инициативы, политические новости и дискуссии граждан, политика и государственное управление переходят в онлайн-пространство по всему миру. Это означает, что политика и государственное управление, в том виде, который известен нам, принципиально меняются с их переходом в онлайн».

Важность интерактивной коммуникации граждан с субъектами государственного управления всемерно актуализируется в свете необходимости достижения тонкого, взвешенного баланса между сохранением сильного государства и созданием устойчивого электронного правительства и информационного общества.

2. Правовые формы электронной коммуникации граждан с субъектами государственного управления. В настоящее время гражданам России доступны различные формы коммуникации с субъектами государственного управления, изучение которых открывает большие познавательные перспективы для глубинного проникновения в сущность рассматриваемого

явления и понимания перспектив влияния развития электронной демократии на развитие электронного правительства.

Обратим внимание, что различные аспекты понятия «правовая форма» изучались в работах многих исследователей. Наиболее значительные принадлежат С.С. Алексееву, В.С. Афанасьеву, М.И. Байтину, Ю.Б. Батуриной, Н.Л. Гранат, И.Я. Дюрягину, С.Л. Зивсу и др. Основываясь на различных представленных в литературе точках зрения относительно понятия «правовая форма» и понимании электронной демократии, мы можем обобщенно определить форму электронной демократии, как обладающий спецификой способ правового опосредования проявлений электронной демократии.

Изучив взаимодействие гражданского общества и государства, Г.А. Вакуленко (2011) предлагает различать две его основные формы: участие и влияние. Такая позиция объясняется отсутствием гарантий реального влияния на политические процессы и решения в результате участия представителей гражданского общества в работе государственно-властных структур. Такой подход в полной мере отвечает сущности юридического оформления политических отношений именно в качестве отношений власти.

Правовое оформление власти субъектов гражданского общества над государственными и муниципальными органами и их должностными лицами, с нашей точки зрения, является критерием разграничения отношений электронного политического участия и электронного политического влияния как двух основных форм электронной демократии. В случае электронного участия субъекты гражданского общества не имеют властных полномочий в собственном их смысле и лишь способствуют субъектам политической власти в деятельности последних. Напротив, влияние как форма электронной демократии всегда связано с юридическим оформлением властных полномочий субъектов гражданского общества в отношениях с государственными или муниципальными органами и их должностными лицами.

Между тем, следует отметить, что в абсолютном большинстве политологических и социологических работ не проводится четких различий между участием и влиянием субъектов гражданского общества на функционирование политической системы. Так, например, не делает различий между электронными участием и влиянием Е. Фурсеев. Электронное участие он понимает в двух смыслах – широком и узком. По мнению указанного автора, использование субъектами гражданского общества информационных технологий для участия в политическом процессе, начиная от

формирования повестки дня и до контроля принятых решений, может рассматриваться как электронное участие в широком смысле. В более узком понимании электронное участие представляет собой систему методов, обеспечивающих взаимодействие граждан с органами государственного управления, результатом которого является формирование политических решений (информирование, публичные консультации, дискуссии и дебаты, подача петиций, осуществляемые с использованием электронных средств коммуникации) (Фурсеев, 2008). Считаем такую позицию неприемлемой, поскольку в ней допускаются терминологические смешения, что обуславливает невозможность разработки качественного, логически непротиворечивого правового регулирования. С нашей точки зрения, в правовом контексте следует выделять две основные формы электронной демократии, обеспечивающих коммуникацию граждан и субъектов государственного управления: *электронная демократия – участие* (далее – *ЭД-участие*) предусматривает предоставление по электронным каналам коммуникации информации, не имеющей характера властного веления для субъектов политической власти, а *электронная демократия – влияние* (далее – *ЭД-влияние*) дает возможность в рамках электронной коммуникации осуществить передачу властного веления, обращенного к субъектам публичного управления.

Отметим, что само понятие «электронное участие» вошло в активное употребление в 2000 году в связи с формированием концепции электронного правительства в государствах Европейского союза. При разработке нормативной базы реализации задуманного её авторы обращали особое внимание на необходимость обеспечения прозрачности публичной власти, достигаемой посредством информационно-телекоммуникационных технологий (Smith & Dalakiouridou, 2009).

Основываясь на европейской практике становления электронной коммуникации граждан и власти, современные исследователи выделяют 11 электронных средств «электронного участия»: 1). Предоставление информации; 2). Создание групп э-участия (сообществ); 3). Он-лайн консультации; 4). Проведение кампаний/публичных акций; 5) Предвыборные кампании; 6) Слабоструктурированное обсуждение (deliberation); 7) Дискурс; 8). Разрешение конфликтных ситуаций он-лайн (медиация); 9). Городское планирование и вопросы защиты окружающей среды; 10). Проведение опросов среди граждан; 11). Выборы в режиме он-лайн (Леонова, 2010). Несмотря на несомненный интерес указанной систематизации, представляется, что она не может быть взята за фундаментальную основу изучения электронных форм коммуникации граждан и органов управле-

ния, поскольку в ней нарушены основные логические правила классификации.

Принимая во внимание логические правила деления понятий и классификации (соразмерность деления, единство основания, непрерывность деления) и на основании изучения имеющегося российского и зарубежного опыта считаем, что к правовым формам ЭД-участия следует относить: электронное информирование субъектами гражданского общества органов власти; электронные мониторинг и оценку деятельности; электронное общественное обсуждение; электронные предвыборные кампании, включая их электронное финансирование. В числе правовых форм ЭД-влияния считаем необходимым выделить: 1) электронное голосование на выборах и референдуме; 2) электронную правотворческую инициативу.

3. Характеристика отдельных форм электронной демократии. Принимая во внимание предложенное выше разграничение форм электронной коммуникации граждан (ЭД-участия и ЭД-влияния), рассмотрим предметнее видовое разнообразие форм реализации электронной демократии в контексте реалий современной России и перспектив их развития. *Принимая во внимание предшествующий научный опыт коллег и вышеприведенные рассуждения, считаем возможным определить первый из перечисленных нами видов ЭД-участия, ЭД-информирование, как деятельность, посредством которой отдельные граждане и члены гражданского общества транслируют социально значимую информацию, адресованную общественности и субъектам публичной власти, без возникновения обязанности последних совершить какие-либо юридически значимые действия.*

ЭД-информирование субъектами гражданского общества органов власти реализовано в Российской Федерации посредством функционирования множества Интернет-ресурсов, часть из которых имеет предметный (отраслевой) характер, часть - территориальный. В качестве примера первого из них можно привести сайт «www.dissnet.org», который нацелен на выявление и разоблачение научных работ, допускающих нарушение действующего законодательства в части обеспечения оригинальности исследований и недопущения неправомерного использования чужих авторских текстов. Несмотря на то, что результаты экспертизы указанного не имеют юридической силы и не влекут правовых последствий, они вполне могут быть учтены (и учитываются) экспертами Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России при оценке объективности присуждения кандидатских и докторских ученых степеней.

Изучение Интернет-пространства показало наличие и других информационных ресурсов ЭД-информирования органов власти и ответственности о наличии социальных проблем, которые, однако, зачастую носят неважно-связанный характер, распыляя внимание инициативных граждан и ограничивая возможность целостного решения проблем (см. такие ресурсы как: «Другая Россия» (<https://alterrussia.ru>), «Сердитый гражданин» (<http://www.angrycitizen.ru>), «Фонд борьбы с коррупцией» (<https://fbk.info>) и др.). Считать ЭД-информирование именно правовой формой электронной демократии позволяет наличие соответствующей нормативной правовой основы. Ее составляют Конституция Российской Федерации, статья 33 которой устанавливает право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 года № 227-ФЗ, содержащий правовые предписания о возможности направления обращения и приложений к нему в электронной форме. В целом характерными чертами позволяющими отнести явление к ЭД-информированию является: форма участия граждан в функционировании социальной системы, регламентируется действующим законодательством, предоставляемая информация носит рекомендательный характер, сравнительная простота общения, предполагающая отсутствие аналитических и экспертных оценок.

ЭД-мониторинг и оценку можно определить как *вид ЭД-участия, посредством которого отдельные граждане и члены гражданского общества консолидируют и передают свое мнение об эффективности работы органов власти до сведения последних и общественности*. Указанная форма представляет собой более сложный вид электронной демократии, существенно развивающий возможности электронного информирования с адресным направлением информации компетентным органам власти, а также позволяющие электронным способом осуществить мониторинг и дать оценку деятельности государственному органу по конкретному направлению его работы. В качестве примера можно привести официальный Интернет-сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. Опция «опросы» позволяет перейти в раздел опросов общественного мнения (<https://www.rosminzdrav.ru/polls>), где вниманию пользователя предлагается выразить мнение по социально значимым вопросам, в том числе по противодействию коррупции.

Изучение официальных Интернет-сайтов иных федеральных органов исполнительной власти показало, что в большинстве случаев они не имеют опций для выражения мнения по какому-либо вопросу, а также для выставления оценки работы государственного органа по различным направлениям деятельности. *ЭД-обсуждение следует рассматривать как вид ЭД-участия, при котором в рамках взаимной коммуникации отдельные граждане как члены гражданского общества формулируют свое мнение о социально значимых вопросах и передают его субъектам социального управления и общественности*. На момент работы над настоящим исследованием ЭД-обсуждение является самой эффективной правовой формой ЭД-участия. Наиболее массовое и централизованное электронное обсуждение проектов нормативных правовых актов в современной России организовано на Едином портале regulation.gov.ru, который представляет собой Интернет-ресурс, размещающий информацию о нормативных правовых актах, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ), а также результатах их общественного обсуждения. Правовая регламентация работы данного ресурса установлена Постановлением Правительства Российской Федерации № 851 от 25 августа 2012 года, утвердившем правила раскрытия ФОИВ информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. Их существенной особенностью является возможность проследить принятие поправок к конкретным статьям текстов проекта нормативных правовых актов. Данная возможность позволяет субъектам гражданского общества отслеживать и оценивать качество работы над проектом нормативного правового акта, а также осуществлять самооценку предлагаемых вариантов формулировок правовых норм.

Электронную поддержку избирательной кампании или кампании референдума, включая электронное финансирование указанных кампаний, мы рассматриваем как правовую форму ЭД-участия, позволяющую членам гражданского общества предоставлять ресурсное обеспечение (денежные средства, недвижимое имущество, организационные и иные возможности для размещения политической рекламы и т.п.) субъектам политических процессов, выражая тем самым свое отношение к предлагаемой политической программе (поддержку политического курса). ЭД-поддержка также может быть рассмотрена в рамках ЭД-участия.

Современная политическая реальность демонстрирует широкие возможности использования электронных технологий для сбора денежных

ных средств в целях финансового обеспечения предвыборной деятельности кандидатов (краудсорсинг, краудфандинг). Наиболее часто в этом контексте приводится пример избирательная кампания Барака Обамы 2008 года и Шведской пиратской партии в 2009 году. Так, в частности, одной из ключевых особенностей обеих избирательных кампаний Барака Обамы, как кандидата на пост Президента США, являлась его поддержка широкими слоями американского общества, материальным воплощением чему уже на этапе агитации стали рекордные финансовые поступления от частных спонсоров через специально созданный для этого веб-сайт. В первую кампанию эта суммы составила более 750 млн. долларов, из которых более 600 млн. долларов были получены от граждан, чей средний взнос составил всего 86 долларов США. Во второй избирательной кампании сборы Барака Обамы 631 млн. долларов, что в три раза превысило средства, собранные его оппонентом, Миттом Ромни (Silveira, 2013). Благодаря созданным краудфандинговым платформам, аналогичные примеры успеха продемонстрировали так называемые пиратские партии в Европе: в 2009 году Пиратская партия получила 7,1 % голосов на проходивших в Швеции выборах в Европейский парламент, в 2011 году Германская пиратская партия получила 8,9% голосов на выборах в Палату представителей Берлина (Jacobsen, 2014).

Наиболее крупными монографическими работами в этой области являются исследования В.В. Вискуловой, М.М. Какителашвили, А.Е. Помазанского, Д.В. Точкина, Н.Е. Рыжкова. На основании изученных точек зрения, можем отметить, что отнесение ЭД-поддержки к формам электронной демократии представляется возможным лишь с некоторой долей условности. С юридической точки зрения выражение поддержки в результате голосования по поводу программных документов, а также финансирование кампаний референдума или избирательной нельзя в полной мере отнести к проявлениям демократии. Это объясняется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, у лица, получающего электронный голос или материальные, организационные ресурсы, в принципе не возникает юридической обязанности выполнить какие-либо действия в пользу субъекта гражданского общества, оказавшего такую поддержку. Во-вторых, данные отношения по своей природе не являются властными, то есть лица, получающие указанную поддержку сами, как правило, принадлежат к гражданскому обществу, либо лишены возможности использовать свои властные полномочия (административный ресурс). Таким образом, ЭД-поддержка в настоящее время может быть отнесена к формам элек-

тронной демократии с учетом указанных ограничений. Вместе с тем, нам представляется возможным разработать правовые механизмы, которые обеспечивали бы возникновение юридических обязанностей у лиц, получивших ЭД-поддержку, в случае успешного завершения избирательной кампании или кампании референдума. Кроме того, изучение избирательного законодательства позволяет сделать общий вывод о том, что в настоящее время законодательство не делает существенных различий между электронной и традиционной формами такого финансирования.

В развитие нашего исследования обратимся к рассмотрению *форм ЭД-влияния*. Об актуальности форм электронной демократии влияния для Российской Федерации высказывался Д.А. Медведев, который еще в мае 2010 года, находясь в статусе Президента Российской Федерации, проводил встречу с активом партии «Единая Россия». Тогда он сказал: «Я абсолютно уверен, что грядет эпоха возвращения, в известной степени, от представительной демократии к демократии непосредственной, прямой при помощи Интернета. ... элементы прямой демократии – не только обсуждение животрепещущих вопросов, не только социологии, не просто только дискуссии в блогах, а именно прямой демократии – будут появляться в нашей жизни».

Сущность электронной демократии влияния, по нашему мнению, заключается в обеспечиваемом посредством электронной коммуникации властном воздействии институтов гражданского общества и отдельных граждан на политическую систему общества и её субъектов. Указанное влияние может осуществляться в формах *электронного голосования (далее – ЭД-голосования)* при проведении электронных выборов или референдума, а также в форме *электронной правотворческой инициативы (далее – ЭД-правотворческая инициатива)*.

Электронное голосование как форма электронной коммуникации граждан и вид электронной демократии влияния, предусматривает голосование в электронной форме при реализации гражданами конституционного права на участие в демократических выборах и референдуме. В теории она может обеспечить гражданам возможность оказать влияние на принятие властью политически значимого решения. В ряде стран мира, в частности Австралии, Канаде, Испании, Швейцарии, Эстонии и др.) достаточно давно апробированы технологии проведения ЭД-голосования. Например, в Эстонии законодательно разрешено использование электронных удостоверений личности для голосования через Интернет в период досрочного голосования на парламентских выборах. Аналогичные технологии применяются и

в избирательном процессе некоторых других стран. Вместе с тем, специалисты отмечают, что имеющийся зарубежный опыт регулирования политико-правовых отношений в указанной сфере, несмотря на наличие в избирательном законодательстве возможности дистанционного электронного голосования различными способами, позволяет говорить лишь о весьма ограниченном, зачастую экспериментальном характере электронного голосования (Павлушкин, Постников, 2009).

Опыт электронного голосования имеется и в Российской Федерации, однако соответствующие эксперименты, проведенные в период 2008-2012 годов на выборах различного уровня (Тюльская, Владимирская, Волгоградская, Томская области и другие регионы России), показывает, что в отсутствие четкого нормативного регулирования и при множестве технических ограничений, получаемые таким образом результаты волеизъявления граждан не могут иметь обязательного характера и рассматриваются лишь как особый способ опроса населения, участвующего в выборах.

ЭД-правотворческая инициатива представляет собой еще одну форму электронной демократии влияния. В своем традиционном виде институт народной законодательной инициативы предусмотрен конституциями или законами ряда стран, в частности Бразилии, Италии, США. Тем не менее, имеются значимые ограничения его воплощения в странах, презумирующих догмат парламента в качестве основного субъекта законодательства (Великобритания, Франция). Кроме того, имеются различия в реализации указанной формы демократии на общегосударственном и локальном уровне тех государств, где допускается определенная региональная автономия местных властей.

В целом ЭД-правотворческую инициативу можно определить как *вид электронной демократии влияния, обеспечивающий формирование гражданами и институтами гражданского общества веления, обязательного для субъектов правотворчества, и содержащего предложения о создании, изменении или отмене правовых норм*. В российской юриспруденции правотворческая инициатива рассматривается как практическое воплощение права на обращение к органам власти, реализация которого проистекает из положений ст. 33 Конституции России. Вместе с тем, считаем необходимым разделять *два вида электронной правотворческой инициативы: прямая дает возможность членам гражданского общества вносить проекты нормативных правовых актов на рассмотрение правотворческого органа напрямую, в то время как косвенная, дозво-*

ляет обращаться к законодателям лишь с предложением о принятии нормативных правовых актов по интересующим инициатора вопросам. Получение инициативой поддержки определенного числа граждан в течение установленного срока накладывает на правотворческий орган обязанность осуществить соответствующую правотворческую работу.

Заключение. В современной российской правовой и политической действительности, в условиях предпринимаемых попыток становления сильного государства принципиальное значение имеют именно применяемые методы осуществления властных полномочий, пределов вмешательства государства в частную сферу, соотношения организации и самоорганизации. Многообразие форм электронной коммуникации граждан с субъектами государственного управления, выявленное нами в рамках классификации форм электронной демократии позволяет сделать вывод о её качественной неоднородности, охватывающей самые разнообразные стороны социальной действительности. Множество приведенных форм, начиная от простых и заканчивая достаточно сложными, в их предметном рассмотрении не отрицает, а, напротив, подчеркивает их единство и нацеленность на достижение общих, социально-значимых результатов, выражающихся в формировании системы государственного управления, ориентированного на удовлетворение интересов как общества в целом, так и отдельных граждан.

С нашей точки зрения, следует отказаться от традиционных штампов, свойственных так называемой либеральной общественности, для которой процесс усиления российской государственности ассоциируется с реанимацией авторитаризма, авторитарных методов управления. В тоже время недостаточное внимание, уделяемое властями, возможным каналам коммуникации с гражданами, создаваемые в этой сфере ограничения и запреты, как представляется небезосновательно подвергаются критике со стороны отечественных и зарубежных экспертов. Так, например, в одном из докладов Фридом Хаус, неправительственной организации, финансируемой правительством США (в 2015 году включена Советом Федерации России в так называемый «патриотический стоп-лист»), указывалось: «За последнее десятилетие российское правительство становилось все более авторитарным ... Хотя население России в целом хорошо образовано, оно остается политически инертным» (Robert, 2010). Действительно, можно разделить опасения в связи с потенциальной опасностью формирования антидемократического режима в Российской Федерации как в

любом другом государстве. Вместе с тем нельзя напрямую связывать усиление роли государства, его институтов в различных сферах общественной жизни с антидемократическими режимами. Государство в силу многих объективных причин может усиливать свою роль в определенных сферах и отраслях, но это должно выступать следствием возрастания деструктивных общественных тенденций. Самоустранение государства из некоторых сфер системы социального управления, минимизация его участия в решении общественных задач нередко характеризуется как его бессилие, а это, в свою очередь, может привести к причинению более существенного ущерба обществу. Считаем, что совершенствование практического воплощения концепции электронного правительства, более широкое использование органами власти существующих форм интерактивной коммуникации, а также выявление новых способов построения диалога с обществом, обеспечение возможности широкого доступа граждан к информационным и сервисным ресурсам государства, создаст задел в успешном развитии российской государственности на будущее.

Список литературы:

- [1] Clift, S. (2004). E-Government and Democracy – Report to the United Nations. Retrieved from: <http://stevencrift.com/e-government-and-democracy-report-to-the-united-nations-by-stevencrift-2004/>
- [2] Jacobsen, H. (2014). Sweden's Pirate Party set for election failure. Retrieved from: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2014/news/sweden-s-pirate-party-set-for-election-failure/>
- [3] Robert, W. (2010). Orttung Russia / Nations in Transit 2010: Democratization in East Central Europe and Eurasia. Retrieved from: <http://www.freedomhouse.org/images/File/nit/2010/NIT2010Russiafinal1.pdf>
- [4] Silveira, G. (2013). How Political Crowdfunding Killed Traditional Campaign Financing. Retrieved from: <http://crowdexpert.com/articles/crowdfunding-in-politics/>
- [5] Smith, S. & Dalakiouridou, E. (2009). Contextualising Public (e) Participation in the Governance of the European Union. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/216701352_Contextualising_Public_eParticipation_in_the_Governance_of_the_European_Union
- [6] Васильева, С. (2005). Право граждан и организаций на обращения: Нормативная модель и практика реализации. Законодательство и экономика. 5, 35-42.
- [7] Затонский, В. (2009). Демократический режим – оптимальная форма функционирования
- сильного государства. Государственная власть и местное самоуправление. 7, 12-19.
- [8] Леонова, М. (2010). Оценка и пути развития электронного участия в Российской Федерации. Человек. Сообщество. Управление. 4, 57-68.
- [9] Павлушкин, А., Постников, А. (2009). Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели). Журнал российского права. 11, 5-13.
- [10] Фурсеев, Е. (2008). Возможности электронного участия в процессе принятия политических решений. Палитичная сфера. 10. 93-101.

Spisok literatury:

- [1] Clift, S. (2004). E-Government and Democracy – Report to the United Nations. Retrieved from: <http://stevencrift.com/e-government-and-democracy-report-to-the-united-nations-by-stevencrift-2004/>
- [2] Jacobsen, H. (2014). Sweden's Pirate Party set for election failure. Retrieved from: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2014/news/sweden-s-pirate-party-set-for-election-failure/>
- [3] Robert, W. (2010). Orttung Russia / Nations in Transit 2010: Democratization in East Central Europe and Eurasia. Retrieved from: <http://www.freedomhouse.org/images/File/nit/2010/NIT2010Russiafinal1.pdf>
- [4] Silveira, G. (2013). How Political Crowdfunding Killed Traditional Campaign Financing. Retrieved from: <http://crowdexpert.com/articles/crowdfunding-in-politics/>
- [5] Smith, S. & Dalakiouridou, E. (2009). Contextualising Public (e) Participation in the Governance of the European Union. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/216701352_Contextualising_Public_eParticipation_in_the_Governance_of_the_European_Union
- [6] Vasil'eva, S. (2005). Pravo grazhdan i organizacij na obrashcheniya: Normativnaya model' i praktika realizacii. Zakonodatel'stvo i ekonomika. 5, 35-42.
- [7] Zatonskij, V. (2009). Demokraticeskij rezhim – optimal'naya forma funkcionirovaniya sil'nogo gosudarstva. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 7, 12-19.
- [8] Leonova, M. (2010). Ocenka i puti razvitiya elektronnoho uchastiya v Rossijskoj Federacii. CHelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 4, 57-68.
- [9] Pavlushkin, A., Postnikov, A. (2009). Pravovoj mekhanizm distancionnoho elektronnoho golosovaniya (analiz vozmozhnoj modeli). ZHurnal rossijskogo prava. 11, 5-13.
- [10] Furseev, E. (2008). Vozmozhnosti elektronnoho uchastiya v processe prinyatiya politicheskikh reshenij. Palitychnaya sfera. 10. 93-101.